

вомъ, герой хотѣлъ жить „разумной, нравственной и безупречной жизнью“...

У Оленина („Казаки“) такія же минуты размышленія: „счастье въ томъ, чтобы жить для другихъ“, говорить искатель смысла жизни, пока еще въ образѣ прожигателя ея, скитаясь по дебрямъ Кавказа. И у Левина сквозить недовольство: „Я опутанъ грязной сѣтью“ и т. д. Еще авторъ севастопольскихъ очерковъ задумывается надъ вопросомъ: „Гдѣ выраженіе добра и зла?“ — спрашиваетъ онъ.

Сравните, напр., что говоритъ Толстой о трудѣ въ полемикѣ съ Э. Золя: „трудъ не только не есть добродѣтель, но въ нашемъ должно организованномъ обществѣ есть, большою частью, нравственно анестезирующее средство, въ родѣ куренія или вина, для скрыванія отъ себя неправильности и порочности своей жизни“...

И когда Левинъ („Анна Каренина“), въ котораго Толстой вложилъ много своей личности, задумывается „надъ неправильностью и порочностью своей жизни, „въ должно организованномъ обществѣ“, то однажды лежа на сѣнокосѣ, ставить себѣ такой же отмѣчаемый глубокимъ скептицизмомъ вопросъ о цѣнности труда: „Богъ далъ день, Богъ далъ силы. И день, и силы посвящены труду, а въ немъ самомъ награда“. „А для кого трудъ?“ и т. д.

Нѣкоторые герои Толстого — романиста, какъ известно, кончаютъ тѣмъ, что начинаютъ искать смысла жизни, обратившись къ первобытной простотѣ народныхъ этико-религіозныхъ воззрѣній. Религія — философія народа, говорилъ еще средневѣковый арабский мыслитель Авверроесъ. И въ этой философіи герои Толстого находятъ родственныя черты своимъ исканіямъ. Войдя въ соприкосновеніе съ простымъ людомъ, они